

Леонид Медведко

Испытание катастрофами

Главы из книги

Столетняя война

Недавнее проведение Года истории в России стало данью памяти о самом кровавом в русской истории XX веке и напоминанием о том, что в будущем году исполнится сто лет с начала Первой мировой войны. Символично, что на календаре 1 августа — день, когда Россия оказалась вовлечена в эту войну, — располагается между двумя другими историческими датами: днем Победы, одержанной нашей страной в Великой Отечественной, и днями окончания Второй мировой — 2-3 сентября. Некая «метафизика истории» просматривается в триединой Великой победе, одержанной над нацизмом в Европе, над японским милитаризмом, и мировой колониальной системой.

Взаимосвязь этих событий усматривалась академиком В.И. Вернадским в его письме, отправленном Сталину незадолго до окончания Второй мировой, бывшей, по его убеждению, «продолжением незавершенной, прерванной Первой мировой войны».

Все эти и последовавшие за ними войны в метафизике истории предстают как одна «столетняя» Большая война, в которой Россия не воевала только четыре года и которая сопровождалась многими сокрушительными победами-поражениями. Сокрушительных побед оказывалось при этом больше, чем триумфальных. Для России «незавершенная» Первая мировая получила свое продолжение в еще более кровопролитной гражданской братоубийственной войне. Продолжалась она на Дальнем Востоке до 22-го года. На близком от России Востоке, в Средней Азии — на десять лет дольше. Война с басмачами шла до середины тридцатых годов. Ее завершение совпало с приходом к власти фашизма в Италии и Германии, и с началом в 1936 году войны в Испании, в которой приняли участие наши первые «бойцы-интернационалисты». Вот и получается, в «столетней» войне XX века Россия не воевала всего несколько лет. Да и «другая», так называемая Холодная война и наступивший после нее «постхолодный» мир сопровождалась своими «горячими» войнами. Они и поныне напоминают о себе в Афганистане, Ираке, Ливане, Йемене, Ливии, Сирии, где уже идет региональная война глобального значения. Разрастание непотушенных и возгорание новых пожаров по соседству с Россией усиливают угрозу ее национально-государственной безопасности и международному миру.

Двадцать первый век подхватил эстафету двадцатого. «Арабская весна» продолжается уже более трех лет, вылившись в череду сокрушительных непонятных

Медведко Леонид Иванович — академик РАН, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. Публикации в «Дружбе народов»: «От Эдема до Армагеддона. Сопряжение на «разломах» цивилизаций» (№ 5, 1999); «Общий дом на Святой земле. Запад и Восток в новейшее время» (№ 12, 2007); «Пылающий Восток и Русская Медитерра» (№ 6, 2012).

«революций», неведомых ранее войн и «гуманитарных интервенций». По некой «гримасе истории», начало этих событий в пространственно-временном измерении совпало с происходившими там же сто лет назад «репетициями» Первой мировой войны, у берегов Северной Африки, Средиземноморья и на Балканах (1911—1913 годы).

В то время в Соединенных Штатах уже назревал мировой экономический кризис и начиналась подготовка к Первой мировой войне. Она готовилась совместными стараниями корпораций и банков, связанных с богатейшими семействами Ротшильдов, Рокфеллеров, других финансовых воротил, которые создали в 1913 году Международную резервную систему (МРС). Позже к ней подключен был также Международный валютный фонд (МВФ). Совместными их усилиями и была подготовлена сто лет назад Великая катастрофа Европы.

Нефть с запахом крови

Русские паломники, возвращаясь домой после посещения Святой Земли, называли родные края «нашими палестинами». После Великой катастрофы Россия словно породнилась историей и судьбой со Святой Землей, включавшей тогда в себя, кроме Палестины, все страны Леванта и Египта. По меткому определению Александра Зиновьева, Россия сама распяла себя на русской Голгофе. В годы Гражданской войны она прошла потом и через свой «русский Армагеддон» с нескончаемыми битвами добра и зла. До Первой мировой войны мир ислама и Русский мир были представлены на геополитической карте двумя единственными в то время евразийскими империями — царской Россией и Османской Турцией. Оба государства сразу же оказались втянутыми в мировую войну. Разразившиеся после нее революции в России и Турции почти одновременно положили конец существованию двух империй. На их закате в 1917 году появилась на свет 8 ноября 1917 года «Декларация Бальфура», названная так по имени министра иностранных дел Великобритании, лорда, тесно связанного с семейством Ротшильдов. В декларации и была сделана заявка на создание «еврейского очага» в Палестине.

Тридцать лет спустя в бывшей Палестине появилось государство Израиль, вокруг которого сразу же завязался тугой ближневосточный конфликтный узел. Палестинские арабы восприняли рождение Израиля как национальную катастрофу и сразу же включились в «столетнюю» Большую войну XX века. Причину начавшейся новой катастрофы следовало искать не столько в «истории с географией», сколько в истории с геостратегией и... нефтью.

Задолго до того, как Ротшильд обнаружил в этих местах нефть, Наполеон Бонапарт сделал попытку пробиться в Индию через Египет и Палестину. Позже он напишет в своих воспоминаниях, что тогда представлял себя «на спине слона с тюрбаном на голове и с новым, своего сочинения, Кораном в руках». Потерпев поражение под Яфой, Наполеон отказался от глобалистского плана «покорения мира через Иерусалим» и, сменив маршрут, столь же безуспешно попытался прорваться в Индию через Россию.

По сакральному парадоксу истории последнее сражение английских войск с турецкой армией в Первой мировой войне произошло также недалеко от Яфы, на библейском «поле Армагеддона».

Во Второй мировой войне немецкие и итальянские войска под командованием фельдмаршала Роммеля рвались через Египет и Палестину к нефти Баку. Запах нефти будоражил Запад и во все последующие годы в его стремлении после распада Советского Союза установить «новый мировой порядок». Убедительно это показано в фундаментальных исследованиях французского военного историка и геополитика

генерала Пьера М. Галуа в книгах с многозначительными названиями: «Солнце Аллаха ослепляет Запад», «Нефть с запахом крови», «Стратегия в ядерный век», «Баланс террора». Пьер Галуа готовил и ряд других книг о войнах вокруг Персидского залива и Каспия, но жизнь его, к сожалению, оборвалась до воплощения в жизнь всех планов и замыслов.

Аналоги в «зазеркалье» столетия

Еще до завершения кувейтского кризиса, совпавшего в конце 1991 года с распадом Советского Союза, мне довелось в Каире встречаться с известным египетским историком и писателем Мухаммедом Хасанейном Хейкалом. Происходившие тогда события наводили на исторические аналогии. Помню, уже тогда Хейкал, задумав свою новую книгу под названием «Осень гнева», вслух рассуждал: «У вас, русских, и у нас, арабов, все потрясения с революциями и войнами почему-то происходят осенью, когда наступает пора собирать урожай. У вас была Октябрьская революция, а у нас Октябрьская «война Рамадана». У вас распад Советского Союза начался тоже осенью. И это совпало с начавшимся кувейтским кризисом и «Бурей в пустыне».

Потом я не раз вспоминал этот разговор, когда в Египте начала буйствовать «Арабская весна», переросшая вскоре в затяжную арабскую «Осень гнева».

В русском языке и на арабском два слова — «война» и «революция» были в XX веке, наверное, наиболее употребляемыми. У военных историков и политологов до сих пор ведутся споры о том, как называть объявленную после 11 сентября «Глобальную антитеррористическую войну». Называть ли ее «Третьей мировой», или «Первой глобальной», коль скоро она совпала с наступившей эпохой глобализации или очередным «джихадом» исламистов.

«Тень Люцеферова крыла» нависла над миром в виде «Каиновой печати» терроризма. В Международной Энциклопедии «Глобалистика» (Москва — Санкт-Петербург — Нью-Йорк, 2006) и вышедшей незадолго до этого книге Зигмунда Баумана «Глобализация. Последствия для человека и общества» (Москва, 2004) можно найти несколько определений самому процессу глобализации. Автор определил глобализацию как «великую войну за мир без границ». Такая война стала в себя включать в XX веке и разные виды миротворчества, часто не отличающегося от «локальных», региональных и прочих «ограниченных» войн.

Возле рек Вавилонских

Наглядным примером затянувшихся надолго «джихадов», войн и миротворчества стала начавшаяся тоже поздней осенью 1979 года по обе стороны от Персидского залива ирано-иракская война. Вслед за ней разразился кувейтский кризис, который сопровождался «стochastic» войной «Буря в пустыне».

Механизм «джихадов» исламистов был приведен в действие прогремевшими тридцать лет назад 6 октября 1981 года на Каирском стадионе выстрелами исламистских террористов в президента Египта Садата, называвшего себя «героем войны Рамадана». Убийство было совершено не столько в отместку за заключение в 1979 году «кэмп-дэвидского мира» с Израилем, сколько за «паломничество» в Иерусалим, оккупируемый «сионистским врагом». Первые свои ранения получил тогда же и стоявший рядом с Садатом на трибуне, а впоследствии свергнутый с трона «новый фараон» Египта Хосни Мубарак.

Сколько всего «джихадистов» участвовало в подготовке и совершении показательного расстрела египетского президента — установить не удалось. Организато-

рами теракта назвались «Братья-мусульмане» и члены другой мусульманской организации «Аль-Джихад аль-джадид» («Новый джихад»). С их же участием тридцать лет спустя будет повергнут и режим Мубарака, смертный приговор которому был заменен пожизненным заключением. Запертые в железные клетки участники покушения на Садата скандировали на суде лозунги: «Мы совершили это во имя Аллаха. Ради ислама. За него мы готовы умереть. За это вели и будем вести нашу священную войну — джихад».

Съехавшиеся в Каир на похороны Садата главы правительств многих государств и сопровождавшие их члены многих делегаций по-разному объяснили мотивы и причины трагедии. Все сходились тогда на том, что его убил «кэмп-дэвидский мир» и «паломничество Садата в Иерусалим». Советскую делегацию на похоронах возглавлял премьер-министр Алексей Косыгин. Сопровождавший его генерал-лейтенант Константин Сеськин рассказывал потом мне, что на церемонию съехались все лично знавшие Садата бывшие президенты США Никсон, Форд, Картер... Не было, правда, среди них ни действующего президента Рейгана, ни нашего дорогого Леонида Ильича. Он не очень жаловал арабов, как и последний генсек КПСС и первый президент СССР Горбачев, что он не стал скрывать в своих мемуарах «Наедине с собой».

Не удостоил своим присутствием покойного Садата как «предателя арабского единства» и диктатор Ирака Саддам Хусейн. На то у него были свои веские причины. Он уже начинал втягиваться в свои «джихады с Ираном». Развязанная им «война Кадиссии» против аятоллы Хомейни длилась у «рек Вавилонских» более восьми лет и сопровождалась начавшимся летом 1982 года не менее длительным ливанским кризисом. Кризис разразился после израильской операции «возмездия» «Мир Галилеи», которая вскоре переросла в так называемую «пятую арабо-израильскую войну».

Начатый Саддамом Хусейном в конце 1990 — начале 1991 годов новый «джихад» за «освобождение Иерусалима» через аннексию соседнего эмирата Кувейт не стал «шестой» арабо-израильской войной, а вылился в акцию «возмездия» — войну «Буря в пустыне», в которой участвовали войска и нескольких арабских государств: Египта, Сирии, Саудовской Аравии и Арабских эмиратов. Совпала она по времени, как упоминалось уже выше, с началом распада Советского Союза.

Можно усмотреть горькую иронию истории в том, что бывшая сверхдержава распалась в «лихие девяностые» годы быстрее, чем был освобожден Кувейт, самое маленькое, казалось бы, в Заливе государство. «Осень гнева» для России на этот раз затянулась дальше, чем кувейтский кризис и война «мечей Кадиссии» против «джихада» Хомейни.

У Москвы в те годы была уже своя головная боль — борьба с «джихадистами» в Афганистане. Гораздо позже до советских руководителей стала доходить взаимосвязь афганских событий с «исламской революцией» в Иране и со многими другими «джихадами» на Ближнем Востоке. Следить за ними мне пришлось с командного пункта Генерального штаба.

Слежение за миром и войнами с «пожарной вышки» ГРУ

В задачу командного пункта ГРУ входила подготовка справок, сжатых бюллетеней, обзоров прессы, докладов в ЦК КПСС. Они печатались для «самых верхов», как мы выражались, «лошадиными буквами». Прежде чем отправлять документы «наверх», начальник смены представлял их на подпись лично министру обороны и начальнику Генерального штаба. Прежде чем подписывать такие доклады не более чем на трех страницах, начальство задавало иногда нелегкие вопросы. Понятно, у начальников был на то свой резон — не провоцировать «верхи» на выяснение каких-то

моментов по поводу прочитанного и тем самым вызвать у них головную боль и главное — ненужные вопросы.

Дежурная смена, которую мне пришлось возглавить, знакомила перед этим свое высокое собственное начальство с «горячей» информацией. Начальник ГРУ генерал армии П.И. Ивашутин или один из его замов появлялись на «своей вахте» ранним утром и засиживались допоздна. Иногда они позволяли себе приходить попозже и пораньше уходить в воскресные дни. Начальник смены перед тем, как показать им срочные телеграммы, докладывал выжимку из важнейших сообщений, пришедших по закрытой и открытой связи, к этому прикладывалась краткая (как более важная) информация из ленты ТАСС. На служебном жаргоне это называлось «костылем».

В один из осенних дней 1979 года мой помощник, как мы его называли, «майор-полиглот» Володя Онищенко сочинил проект «костыля» в стихах. Зная о моем интересе к поэзии, он подколол к докладу свою препроводилку в стихах. При этом он подзадорил меня: мол, при удобном случае можете прочесть начальству. В «костыле» он довольно точно излагал обстановку за прошедшие сутки и завершал его такими строками:

В мире все утихли войны.
Значит, в мире все спокойно...

Припоминается, это было за месяц до начала афганской эпопеи.

По какому-то закону подлости, большинство «пожаров» в мире чаще всего выпадало на мое дежурство. За нашей сменой успела даже закрепиться слава «пожарной команды». Приходилось докладывать «наверх» о частых нарушениях супостатами воздушных и морских границ страны. Самым неприятным было — докладывать по ночам о начале очередной войны: то в Эритрее и Сомали, то в Бангладеш и Ливане, то на границах Ирака и Ирана. Обычно за этим следовали указания срочно подготовить справку о соотношении сил воюющих сторон. Начальство прежде всего интересовало, кто за кем стоит, ну и, конечно, сколько это безобразие может продлиться. По какому-то наитию оправдались наши прогнозы о продолжительности войны в Бангладеш — не более двух недель. Сбылось и мое предсказание, что ирано-иракская война может затянуться, скорее всего, на годы и не завершится чьей-либо победой.

После моего первого доклада о ходе афганской операции — после штурма и взятия дворца Амина в Кабуле — один из замов начальника ГРУ (П.И. Ивашутин сам в это время находился в Кабуле) задал мне сакраментальный вопрос:

— Как вы думаете, сколько это может еще продолжаться? Дней за десять управимся?

— В Афганистане, как и в Йемене, война может продолжаться годами. Не знаю сколько дней, но на лет десять она вполне может затянуться, — дернуло меня тогда сказать то, что думал.

Все находившиеся в кабинете генералы переглянулись, но промолчали. Прогноз, к сожалению, оказался слишком оптимистичным. Война в Афганистане и после ухода наших войск затянулась на несколько десятилетий...

Ни военный атташе в Афганистане генерал Крахмалов, ни посол СССР в Афганистане Фикрят Табеев, с которыми мне приходилось тогда не раз беседовать, не могли догадываться о готовившейся уже осенью 1979 года афганской операции. За десять дней до нее начальник Генерального штаба Огарков собрал у себя всех своих заместителей, чтобы выслушать их мнение, надо ли вводить войска в Афганистан. Генералу Ивашутину как начальнику военной разведки было предоставлено слово. Он предупредил, что Советский Союз может получить в Афганистане то, что сначала получили американцы во Вьетнаме, а потом египтяне — в Северном Йемене. Те и другие вынуждены были ретироваться, ничего не добившись. Все присутствовавшие

высказались против операции. Аналогичного мнения придерживался и сам Огарков. Но к их доводам тогда не прислушались ни министр обороны Устинов, ни другие члены Политбюро.

За время афганской эпопеи генерал Ивашутин побывал там более десяти раз. Вылетал он в Афганистан чаще всего по приказу маршала Устинова. В общей сложности за восемь лет афганской кампании он провел там более полутора лет.

Делясь при моих докладах своими мыслями, Петр Иванович говорил, что в Афганистане, по сути, настоящей войны нет. О какой войне можно говорить, если противник не имеет ни орудий, ни танков, ни самолетов?! Да и фронта как такового там тоже не было. Нашим войскам удалось загнать афганских «духов» в горы. Но, как и предупреждал Ивашутин, мы оказались в своем «вьетнамском болоте».

Ежегодные командировки Ивашутина (иногда по две-три за год) тоже были связаны с начавшимся тогда реформированием военной разведки. Обретенный в Афганистане боевой опыт спецназовских отрядов ГРУ был позже востребован не только в Чечне, но и в других «горячих» точках. Поэтому, надо думать, когда с началом реформ российской армии спецназ начали выводить из структуры ГРУ, спецназовцы восприняли это так же болезненно, как уход из родительского дома выросших в нем сыновей.

Остается лишь успокаивать себя — потерявши голову, по волосам не плачут.

Без победителей и побежденных

Генерал армии П.И. Ивашутин, которого называли «маршалом военной разведки», возглавлял стратегическую военную разведку дольше всех своих предшественников. При нем на основе глубокого анализа «умная служба» ГРУ первая в те годы пришла к выводу, что американцы блефуют угрозой звездных войн. Но «верхи» не поверили военной разведке, хотя она не раз докладывала, что у американцев никаких лазеров, «пронзающих баллистические ракеты», не существует. Возглавивший в 1992–1997 годах ГРУ генерал-полковник Ладыгин был тоже убежден, что операции в Афганистане, Йемене, а потом в Ливане, Ираке чреваты непредсказуемыми последствиями.

Об афганской эпопее написано было потом немало книг как у нас, так и за рубежом. В них почему-то обходится молчанием одно немаловажное временное совпадение событий в Афганистане с разразившейся по соседству в Иране «исламской революцией». Уже тогда поступавшая на командный пункт ГРУ информация не могла не настораживать.

После захвата «исламскими революционерами» работников посольства США в Тегеране и провала предпринятой Пентагоном операции «Коготь орла» по их освобождению в Вашингтоне стали готовить план широкомасштабной операции по вторжению в Иран. Если бы Москва не втянулась в войну в Афганистане, Вашингтон мог бы повторно увязнуть во втором «вьетнамском болоте» в Иране.

Наличие советских войск в Афганистане, возможно, удержало Соединенные Штаты от развязывания войны, в которую четверть века спустя они все же «вляпались» в Афганистане, а затем и в Ираке. Тогда американцев остановила угроза прямого военного столкновения с советскими войсками. Напомню, что согласно заключенному в 1920-х годах договору с Ираном, Москва вправе была ввести туда свои войска для «обеспечения безопасности» района Южного Каспия.

Как и перед Октябрьской войной 1973 года, так и после принятия решения о вводе советских войск в Афганистан, был создан на уровне высшего руководства координационный комитет. В него входили главы всех силовых ведомств, министр иностранных дел, заведующий международным отделом ЦК КПСС и начальник Генштаба. Их постоянно обеспечивали аналитическими данными команды экспертов.

С началом афганской кампании большой поток сведений поступал также из разных научно-исследовательских институтов. Информация шла и на командный пункт ГРУ. Чтобы читателю было понятнее, какого масштаба велась работа, сошлюсь на генерала армии М.А. Гареева, бывшего в ту пору военным советником в Афганистане. В своей книге «Моя последняя война» он отмечает, что самой разветвленной и наиболее эффективной службой в добывании и оперативной обработке всего потока информации обладала советская военная разведка.

Уже тогда у меня стало зарождаться предчувствие надвигающейся некой «субмировой» войны на Ближнем Востоке. Когда разразилась «Буря в пустыне», я усмотрел в ней прелюдию или начало такой войны. Бывший заместитель министра иностранных дел Г. Корниенко, курировавший в МИДе американское направление, делаясь позже со мной своими соображениями, признался, что и у него в тот период возникало сходное ощущение и, более того, — убеждение, что после окончания военных действий не окажется ни победителей, ни побежденных. Да и последняя классическая Четвертая, она же Октябрьская, война 1973 года закончилась с тем же результатом — вничью.

После распада блоковой системы не столько сами войны, сколько их последствия стали определять характер и направленность «субмировых войн». В глобальную войну «террора-антитеррора» свой вклад внесли как воинствующий исламизм, так и обе сверхдержавы. Каждая из них внесла лепту в «столетнюю» войну.

В период начавшегося в 70 — 80-х годах технического перевооружения армии и внедрения наукоемких технологий в наш военно-промышленный комплекс министерство обороны возглавил маршал Устинов, который и до этого многие годы курировал всю оборонную промышленность страны. Таким же технократом в лучшем смысле этого слова был и начальник Генерального штаба Н.В. Огарков. В отличие от Устинова он сдержанно относился к афганской тематике. Именно по его инициативе в наши справки и доклады стали включаться по одной статье о военно-технических новинках за рубежом.

Сначала у начальства были сомнения, станут ли наши старцы читать скучные статьи. Но один случай рассеял сомнения. На полях последней страницы со статьей о развитии стратегических систем управления в вооруженных силах США Брежнев адресовал Устинову вопросительную резолюцию: «Дмитрий Федорович, а как у нас обстоит с этим дело?» Дело по этой части к тому времени вообще никак не обстояло. У нас ничего подобного тогда не было. Устинов и Огарков, посоветовавшись со своим окружением, нашли для Леонида Ильича какую-то обтекаемую форму ответа. Однако окружение после этого случая подсуетилось, и кто-то в разговоре с нашим начальством посоветовал впредь не помещать подобные статьи — лучше де «умной службе ГРУ» не вызывать недоуменных вопросов у высокого начальства.

В течение всей афганской эпопеи наша «умная служба» продолжала работать без умных средств автоматизации. Наши «малотиражки», как я их называл, печатали машинистки, приходившие на работу ни свет ни заря. После того как начальство вносило какие-либо исправления, листы с правкой перепечатывались. Лишь позже появилось некое «компьютерное чудо», на котором начали набирать и редактировать сводки радиоперехвата и наши воскресно-праздничные «костыли». Приобщение к техническому прогрессу явно, однако, отставало от принятия начальством разумных решений.

В мемуарах одного из руководителей внешней разведки — моего однокурсника Вадима Кирпиченко — упоминалось мимоходом о критическом отношении некоторых наших востоковедов к афганской авантюре. Поименно он предпочел их не называть. Но мне лично были знакомы имена многих из них, хочу в частности, вспомнить глубоко уважаемого мной профессора Ганковского. Не только он один писал закрытые письма и аналитические записки о бесперспективности ввода наших войск за

Гиндукуш. Ученые выступали даже в открытой печати со статьями о том, что «мы влезли в Афганистан», не зная не только его географии с демографией, но и уклада жизни и религий его народов.

При обсуждении итогов Холодной войны говорится порой, что их нельзя оценивать в привычных категориях проигрыша или выигрыша. При этом одни утверждают, что нет никаких «оснований говорить о тотальном поражении России», другие доказывают, что ЦРУ все же «переиграло» советские спецслужбы. Не берусь судить обо всех спецслужбах, но военная разведка предупреждала об опасности ввязывания в войну в Афганистане. Но, как не раз бывало и прежде, верхи не любят прислушиваться к предостережениям. И все же Россия, угодив на десятилетие в «афганское болото», сумела извлечь из неудачи больше полезных для себя уроков, нежели американцы, надолго застрявшие, судя по всему, сначала в Афганистане, а затем после «Шока и трепета» и в Ираке, продолжая испытывать соблазн взять реванш за свои провалы в Иране.

«Джихад» против «джихада»

Проведение американцами десантной операции в Иране под кодовым названием «Коготь орла» было санкционировано лично президентом США Картером. Операция преследовала двойную цель: освободить американских заложников в Тегеране и подготовиться к возможному столкновению с советскими войсками, вышедшими тогда к афгано-иранской границе.

С победой революции в Иране образ ее вождя имама Хомейни в глазах шиитов Ирака стал связываться с долгожданным приходом «скрытого двенадцатого имама», одного из родственников пророка Мухаммеда.

Тогда же на роль «прямого потомка пророка» стал претендовать и Саддам Хусейн. Незадолго до вторжения в Иран он совершил паломничество в Мекку, а затем в Ираке посетил местные шиитские святыни — мечети Али и Хусейна в Неджефе и Кербеле.

После окончания войны с Ираном мне в составе журналистской делегации довелось побывать в этих священных для шиитов городах и посетить мечеть в Кербеле. Не без удивления я увидел выгравированное на стене мечети генеалогическое древо Саддама Хусейна, указывающее на его происхождение от пророка. Судя по изображенным на этом древе ветвям и корням, Саддам должен был предстать в глазах своих соотечественников — суннитов и шиитов — прямым потомком первого шиитского имама Али и самого пророка Мухаммеда.

Война Ирака с Ираном была выгодна обоим режимам. Как Саддаму Хусейну, так и имаму Хомейни требовалось отвлечь своих подданных от сложных внутренних проблем и сплотить народ перед угрозой внешнего врага. Каждый из них надеялся, конечно, на победу, преследуя при этом свои политические и далеко идущие цели.

Все началось с того, что в сентябре 1980 года Иран подверг артиллерийскому обстрелу приграничные иракские города, объявив реку Шатт-эль-Араб закрытой для иракского судоходства. 22 сентября 1980 года иракские войска и танки двинулись по старым и наведенным новым мостам через Шатт-эль-Араб освобождать населенный арабами иранский Хузестан, называемый в Ираке Арабистан. В тот день иракский президент громко заявил о своем праве возвести войну в ранг «священного джихада». Одновременно он обратился к «арабскому населению Ирана» в Хузестане с призывом подняться на новую «битву при Кадисии», напоминая о сражении в 637 году, заставившем персов принять ислам. Получалось, что Багдад объявлял «джихад» против «джихада» Тегерана. Война затянулась на восемь с лишним лет, оказалась самой кровопролитной на Ближнем Востоке после Второй мировой и не привела к победе ни одну из сторон.

Нельзя сказать, что известие о начале ирано-иракской войны стало для военной разведки каким-то сюрпризом. О ее приближении докладывала также внешняя разведка КГБ и поступали сведения по линии МИДа. Как позже мне рассказывал посол СССР в Багдаде Анатолий Барковский, он ежедневно направлял в Москву шифровки о подготовке Ирака к войне, сведения из которых должны были докладываться Политбюро ЦК КПСС.

— Создавалось впечатление, что нашим вождям было тогда не до Ирана с Ираком, — говорил Анатолий Александрович. — Все были больше озабочены Афганистаном. Помню, как меня вызвали в канцелярию президента Саддама Хусейна для согласования программы встречи советского руководства с заместителем Саддама Тариком Азизом, который должен был разъяснить иракскую позицию в конфликте с Ираном. В Москве его принимал кандидат в члены Политбюро Пономарев. Встреча состоялась 22 сентября — в тот самый день, когда иракские войска начали войну, однако наше руководство даже не было официально проинформировано об этом заранее.

Страны Запада и США открыто демонстрировали свою поддержку Багдаду, всячески подталкивая Ирак к продолжению войны. По убеждению Барковского, расчет Запада был прост — военный конфликт ослабит оба государства.

Образовавшийся в Заливе омут втягивал в себя не только соседние страны, но и государства, наблюдавшие за войной со стороны. Для защиты «свободы судоходства» в зону Залива стянуто было более 60 иностранных военных кораблей, в том числе, около 40 кораблей ВМС США. В происходивших прямых столкновениях и при «случайных инцидентах» жертвы несли как воюющие стороны, так и наблюдатели. Самая продолжительная с 1945 года региональная война на Ближнем Востоке побилла все прежние рекорды. В ней было убито и ранено около двух миллионов человек, на обеих сторонах оказалась выведена из строя треть предприятий. Эта была самая дорогостоящая из всех войн, происходивших до того на Ближнем и Среднем Востоке. Цена ее составила более чем 500 миллиардов долларов.

Москва наблюдала за войной не только со стороны. За годы ирано-иракской войны общее число советских специалистов в Ираке превысило 8 тысяч человек. Непосредственного участия в боевых действиях они не принимали, но как рассказывал мне работавший в то время в Ираке полковник В.А. Яременко, бывали случаи, когда иракские командиры выдавали советским специалистам оружие и боеприпасы на случай «непредвиденных обстоятельств». Тем не менее, со стороны Багдада постоянно слышались упреки, что Москва якобы подыгрывает Тегерану. Недовольство еще более усилилось после налета израильской авиации в 1981 году на ядерный центр в пригороде Багдада. Система ПВО Ирака, созданная при участии советских военных специалистов, не сработала.

Багдад продолжал от Москвы требовать отказа от нейтралитета и более активной поддержки. Кульминацию советско-иракского сближения обозначил приезд в Москву самого Саддама в декабре 1985 года. Вместе с тем это не помешало режиму Саддама обрушивать жестокие репрессии на курдов и других своих потенциальных противников среди шиитов. И на тех, кто «слишком много знал». По обвинению «в шпионаже» был казнен английский журналист Фарзад Базофт, затем при загадочных обстоятельствах погиб в Багдаде корреспондент ТАСС в Ираке Александр Балматов.

Тем временем Вашингтон вел свою «молчаливую войну» на два фронта. Когда в мае 1987 года иракская ракета по ошибке поразила корабль ВМС США, что стоило жизни 37 американцам, инцидент постарались быстро замять.

По большому счету, ирано-иракскую войну проиграли обе стороны. По оценке иностранных военных специалистов, боевые потери с обеих сторон составили не менее 500 тысяч человек.

Весной 1989 года уже после увольнения с военной службы я вместе с тремя коллегами-журналистами по приглашению вице-президента и министра иностран-

ных дел Ирака Тарика Азиза посетил Багдад и другие районы страны. Министерство информации организовало для нас поездку по «местам прошлых боев». Представший перед нашими взорами ландшафт напоминал кадры из фильмов о конце света. На каждом шагу — воронки, груды вывороченной взрывами земли, руины домов, обгоревшие стволы пальм. Места, где находился библейский Эдем, напоминали поле после «ядерного Армагеддона». На обожженных и вывернутых из земли с корнем финиковых пальмах не оставалось ни одной ветки.

Первый наш вечер в Багдаде совпал с началом священного для мусульман «месяца Рамадана». Когда с заходом солнца раздался пушечный выстрел, возвестивший о конце дневного поста, багдадцы вздрогнули от испуга. Всего несколько месяцев назад иранские ракеты обрушивались на жилые кварталы города едва ли не каждую неделю, чаще всего тоже по вечерам.

Перед нашим отъездом Тарик Азиз попросил меня выступить перед иракскими дипломатами в Высшей дипломатической школе. В лекции я решил провести аналогию между продолжавшимся тогда ливанским кризисом и закончившейся недавно ирако-иранской войной. Напомнив слушателям о казусе в годы Первой мировой войны, когда командир американской эскадры в Заливе не знал, с кем ему воевать, я сравнил этот случай со странной ситуацией, в которой оказались наши военные корабли, эскортировавшие во время войны грузовые суда в Заливе. Пришлось напомнить и о том, что в ходе войны арабские страны неодинаково на нее реагировали. Напряженные отношения сохранялись между большинством арабских государств. Привел и примеры со ссылками на междоусобные войны в Йемене, Ливане, также между Алжиром и Марокко, Ливией и Египтом на севере Африки. Ссылаясь на общую идеологию партии Баас, которой придерживались Ирак и Сирия, выразил надежду, что они на практике постараются проводить линию арабского единства в решении ливанского кризиса и палестинской проблемы. Не преминул напомнить в духе времени и о «новом политическом мышлении» Горбачева, пожелав придерживаться его при развязке опасного ближневосточного узла не только вокруг Палестины, но и всего Залива.

Тарик Азиз, поблагодарив меня за лекцию, при прощании сказал:

— Багдаду еще предстоит выработать свое «новое мышление». — И с многозначительной улыбкой добавил: — В ближневосточном узле завязалось слишком много узлов. Свое новое мышление нам предстоит вырабатывать вместе с определением приоритетов и очередности в их развязывании.

В день отъезда Тарик Азиз передал в подарок от имени президента Ирака всем троим членам нашей делегации дорогие часы с портретом Саддама Хусейна на циферблате, сказав то ли в шутку, то ли всерьез:

— Теперь вы можете считать себя лауреатами премии мира имени нашего вождя.

«Я возвращаю вам портрет...»

Не прошло и года после этих событий, как Саддам с призывом «Аллах Акбар», начертанным на обновленном флаге Республики Ирак, внезапно развязал новую войну. На этот раз она была названа «освободительной» войной за «возвращение Иерусалима» через «освобождение» эмирата Кувейта, бывшей провинции Ирака. По пути к Иерусалиму не исключалось также и «освобождение» столицы Хашимитского королевства Иордании, Аммана, возможно также — и первых «двух святых» ислама в Саудовской Аравии и некогда «братского» Дамаска. У Саддама Хусейна был также и свой взгляд на решение палестинской проблемы, отличный от точки зрения президента Сирии Хафеза Асада: «Святая земля — это не бывшая провинция некогда великой Сирии, а часть древней могущественной империи Навуходоносора...»

Не скажу, что мне приходилось водить дружбу с авторитарными вождями араб-

ских революций. Тем не менее, со многими из них приходилось встречаться, можно выразиться, «опосредованно». Мой стаж знакомства с Саддамом Хусейном исчислялся почти сорока годами. Все эти годы в Ираке и Сирии правила с некоторыми перерывами партия Баас. Я многократно бывал в этих странах, встречался также с «отцами революции» в Египте, Тунисе, Ливии, Алжире, Йемене. Беседовал со многими их близкими соратниками и сподвижниками, брал интервью, а порой вел и горячие споры. За годы диктаторского правления Саддама не один из моих бывших собеседников бесследно исчез.

Явление знакомое. Революции часто пожирают своих детей, а случается — и самих родителей. С рядовыми членами правящих партий и с беспартийными умными людьми у меня нередко завязывались дружеские отношения. С горечью приходилось узнавать, что они вдруг пропадали из виду, а потом, как выяснялось, — уходили из жизни. Становились жертвами террора, а чаще попадали под колесо партийных «чисток» или — в жернова политических разборок и «дворцовых переворотов».

Из всех арабских стран Ирак выделялся своей тоталитарностью, политикой государственного террора и ответного ему сопротивления со стороны разных этнических и религиозных группировок. Террор обращался как против своих граждан — арабов и курдов, так и против жителей соседних государств. Прямыми и косвенными жертвами организуемого Саддамом террора становились все заподозренные в «измене и предательстве». В их число попадали также арабы из других арабских стран, если занимали не ту сторону в межпартийных распрях. Так что я никак не мог питать какой-либо симпатии ни к Саддаму Хусейну, ни к его авторитарному режиму. Но переживания человеческие, как нас всегда учили, надо уметь подчинять интересам государственным.

Когда Ирак совершил агрессию против Кувейта, я на следующий же день возвратил часы с портретом Саддама Хусейна в иракское посольство в Москве. Свой поступок объяснил примерно так: поскольку война возобновилась, «награда» не может считаться заслуженной. Возвращаясь из посольства, я по пути невольно поймал себя на том, что мурлычу под нос старую песенку: «Я возвращаю ваш портрет...»

За мою самостоятельность высшие инстанции меня несколько пожурили. Но мои коллеги по многолетней совместной деятельности в Советском комитете афроазиатской солидарности Самандар Искандеров, Петр Власов, Мир-Паша Зейналов, долгие годы работавшие в разных арабских странах, мой поступок одобрили. Уже после «Бури в пустыне» вместе с Петром Власовым мы побывали на раскопках древнего Вавилона на родине Авраама в городе Уре и собирались добраться до низины Тартар, где наши специалисты, оказывается, тоже предполагали что-то строить. (От Петра я и узнал, что выражение «провалиться в тартарары» связано не столько с Древней Грецией, сколько с древней историей Ирака.)

В следующий раз я встретился с Петром после распада Советского Союза, и он произнес в сердцах:

— Жаль, что все наши труды ушли, тоже провалились куда-то в тартарары...

Предстояние

Как перед Россией в «лихие девяностые», так перед Палестиной (Израилем) в «сороковые роковые» годы предстал схожий трудный вопрос. В восприятии верующих людей он сводился к нелегкому выбору: жить совместно в «общем доме» или отдельно на данной Богом «святой» для одних и «обетованной» для других земле, где-то «между Эдемом и Армагеддоном»¹.

¹ См. Медведко Л. «От Эдема до Армагеддона. Сопряжение на «разломах» цивилизаций». — «Дружба народов», № 5 за 1999 г.

После пробуждения «Арабской весны» перед таким же выбором оказались другие народы, живущие на библейских землях: арабы с евреями в Палестине, христиане с мусульманами в Ливане, сунниты, алавиты, друзы с христианами в Сирии, палестинцы и иорданцы в Королевстве Иордании. Схожий выбор после падения авторитарных режимов встал также перед народами Ирака, Египта, Ливии, Йемена, Бахрейна...

Глобализация для этих стран и народов, как и для Афганистана и соседних с ним государств Южной Азии, обернулась угрозой дезинтеграции, разгулом сепаратизма и исламистского терроризма. Несмываемая печать «каинова греха», подобно «черной тени Люциферова крыла», какая виделась Блоку в «Возмездии» в начале XX века, нависла над Африкой и Европой, над Америкой и Австралией, над Россией и всей Евразией.

С расширением границ Ближнего Востока стал расширяться и круг проблем, порожденных обострением национально-религиозных и этно-конфессиональных отношений не только в Средиземноморье, но и в районах Черноморья и Каспия, являющихся его частями.

Средиземноморье называют «родиной трех мировых религий». Но это обстоятельство само по себе не уберегает его от братоубийственных войн и «каинства терроризма». Историческая память подсказывает другое. Именно здесь и на Балканах, где и поныне остается больше всего непотушенных очагов войн, начинались «репетиции» Первой и Второй мировых войн.

...Слово «предстояние» имеет в русском языке несколько смыслов. В церковном толковании оно обозначает состояние перед молитвой и исповедью. России приходится теперь сосредотачиваться в предстоянии перед многими угрозами и неожиданностями. Понятно поэтому, почему президент В.В. Путин как Верховный Главнокомандующий, пролетая над Сирией при возвращении из Южной Африки, где он участвовал в саммите глав государств БРИКС, отдал приказ поднять по тревоге войска двух Военных округов для проведения боевых учений на юге России.

Учения эти, помимо всего прочего, имели также свою геополитическую составляющую как для России, так и для Украины. Киев, хотя и не сделал окончательный геополитический выбор — быть ли с Россией или Европейским Союзом, сама обстановка в мире торопит его принять решение. В учениях была задействована большая часть военных и военно-морских баз Украины. План их проведения также был заранее согласован с руководством Украины.

Конечно, можно себя утешать анекдотами вроде того, что мне довелось услышать на юбилейном вечере по случаю восьмидесятилетия нашего политического тяжеловеса Евгения Примакова и вступления в его «библейский возраст». Анекдот вполне в библейском духе. Всевышнего спросили, чего следует ожидать арабам и евреям на Ближнем Востоке. Бог лишь тяжело вздохнул и горько расплакался... Улыбнуться такому анекдоту можно лишь сквозь слезы.

Не внушает большого оптимизма и перечень приоритетов и угроз безопасности в обнародованной Концепции внешней политики РФ. В общем перечне проблемы урегулирования на Ближнем Востоке оказались почему-то в числе последних. Между тем, ситуация на Ближнем Востоке не может не вызывать тревоги. Хотя, слава богу, плачевной пока называть преждевременно.

Ежегодные бесконечные ссылки на «зацикливание» проблем ближневосточного урегулирования не приближают их решения. Для обеспечения национальной безопасности России нужно иметь хорошо продуманную и осмысленную стратегию, которая учитывает не только возможность войны, но и миротворчество. Впрочем, лучше говорить, наверное, о стратегии и политике мирозидания, раз миротворчество, мягко говоря, пока себя не оправдывает.